

РАННЕВИЗАНТИЙСКИЕ ИМПЕРАТОРЫ В «ИСТОРИИ» ФИЛОСТОРГИЯ

И. Ю. ВАЩЕВА

*Нижегородский
государственный университет
им. Н.И. Лобачевского*

e-mail: vasheva@mail.ru

Данная статья посвящена анализу особенностей исторической концепции ранневизантийского церковного историка Филосторгия. Склонность к арианству и принадлежность автора к еретическому лагерю обычно заставляют исследователей выводить его сочинение за рамки византийской церковно-исторической традиции. Однако анализ работы показывает ее концептуальную близость «классическим» образцам. Одним из важнейших аспектов исторической концепции автора, ярко показывающим специфику восприятия действительности Филосторгием, является характеристика императоров, их религиозной и политической деятельности. И хотя конкретные образы получают иное освещение, отличное от хрестоматийного, закрепившегося в церковно-исторической традиции, тем не менее, общий взгляд на роль императоров в судьбах империи и всего христианского мира позволяет рассматривать «Церковную историю» Филосторгия как часть единого феномена.

Ключевые слова: «Церковная история», ранневизантийская традиция, церковная историография.

Фигура Филосторгия занимает особое место среди церковных историков IV–V веков. Принадлежит к той же христианско-византийской ойкумене и разделяет в целом те же мировоззренческие установки, Филосторгий, тем не менее, представляет совершенно иной взгляд на историю Византии раннего периода. Склонность к арианству и принадлежность автора к еретическому лагерю обычно заставляют исследователей выводить его сочинение за рамки византийской церковно-исторической традиции. В целом же, несмотря на некоторый интерес к фигуре данного автора и наличие нескольких работ зарубежных исследователей¹, посвященных в той или иной степени особенностям мировоззрения арианского историка, личность и исторические представления данного автора до сих пор остаются мало изученными и совершенно не осмысленными в контексте развития ранневизантийской церковной историогра-

¹ Philostorgius Kirchengeschichte mit dem Leben des Lucian von Antiochien und den Fragmenten eines arianischen Historiographen / Hrsg. von J. Bidez. Leipzig, 1913. (2-е изд.: Berlin, 1972; 3-е (использованное в данной работе) – by F. Winkelmann. Berlin, 1981); Di Maio, M. Zonara, Julian and Philostorgius on the Death of the Emperor Constantine I // Greek Orthodox theological Review. Vol. 26, part 2, 1981. P. 118-124; Zecchini G. Filostorgio // Metodologie della ricerca sulla Tarda Antichita. Atti del Primo Convegno dell'Associazione di Studi Tardoantichi. A cura di A. Garzya. Napoli, 1989; Nobbs A.E. Philostorgius' View of Past // Reading the Past in Late Antiquity / Ed. by G. Clark. Rushcutters Bay, 1990. P. 253-264; Nobbs A.E. Philostorgius' Ecclesiastical History: An "Alternative Ideology" // Tyndale Bulletin. 42. 1991. P. 271-281; Nobbs A.E. Philostorgius' Place in the Tradition of Ecclesiastical Historiography // Tradition and Traditions / Ed. by Dockrill D.W., Tanner R.G. Manly, 1994. P. 198-206; Trompf G.W. Church History as Non-Conformism: Retribution and Eschatological Elements in Athanasius and Philostorgius // Byzantinische Zeitschrift. 24. 1997. P. 11-33; Leppin H. Heretical Historiography: Philostorgius // Studia Patristica. Vol. XXXIV. 1999. P. 111-125; Argov E.I. Giving the Heretic a Voice: Philostorgius of Borissus and Greek Ecclesiastical Historiography // Athenaeum, 89, 2001. P. 497-524; Marasco G. The Church Historians (II): Philostorgius and Gelasius of Cyzicus // Greek and Roman Historiography in Late Antiquity: fourth to sixth century A.D. / Ed. by G. Marasco. Leiden, 2003. P. 257-288; Prieur J.-M. Philostorge et la Theologie neo-arienne // Studia Patristica. Vol. XLII. 2003. P. 211-217.

фии. В отечественной же историографии сочинение Филосторгия привлекло внимание исследователей, пожалуй, только однажды².

Такое отношение к данному автору, очевидно, объясняется его принадлежностью к еретическому лагерю и плохой сохранностью самого текста. Сочинение Филосторгия дошло до нас лишь в переложении патриарха Фотия. Именно эта эпитома, дошедшая до нас в нескольких рукописях, древнейшей из которых является *Cod. Vargoss. 142 XIV в.*, послужила основой для реконструкции полного текста Филосторгия Ж. Биде в начале XX в.³

На сегодняшний день, несмотря на то, что уже проделана огромная работа по реконструкции текста, имеются прекрасные критические издания “Церковной истории” Филосторгия⁴, тем не менее, особенности данного произведения, позиция и взгляды автора, его место в историографической традиции и истории культуры того времени все еще остаются практически не изученными.

Данная “Церковная история” отличается от других произведений, созданных в это же время в рамках христианской и языческой традиций, а с другой стороны, оно является одной из первых “Историй”, созданных в продолжение “Церковной истории” Евсевия Кесарийского и, таким образом, является такой же составной частью единого феномена, как и сочинения Сократа Схоластика, Созомена, Феодорита Кирского и других авторов.

Родился Филосторгий около 368 г. в городке Бориссе в провинции Каппадокия II. Как он сам сообщает в своем сочинении, происходил он из христианской семьи, причем родители его принадлежали к горячим сторонникам учения Евномия (IX, 9), и с самого раннего детства получил соответствующее воспитание. Примерно в 20-летнем возрасте он перебрался в Константинополь для завершения своего образования⁵. Именно в Константинополе он и провел большую часть своей жизни, здесь же встретил Евномия, что еще больше укрепило его в правильности избранной им веры, здесь же он закончил свою “Церковную историю” (X, 6) и написал “Похвальное слово Евномию” (HE, 3, 21), на сегодняшний день утраченное, и сочинение против Порфирия (HE, 10, 10). Как и многие другие молодые люди того времени, он много путешествовал, совершил паломничество в Палестину, посетил Антиохию, затем Египет, побывал в Александрии, но главным местом его жизни оставался Константинополь. Интересно, что в качестве своей профессии он выбрал юридическую практику, и ни-

² Удальцова З. В. Филосторгий – представитель еретической церковной историографии // Византийский временник. Т. 44. 1983. С. 3-17.

³ Philostorgius Kirchengeschichte mit dem Leben des Lucian von Antiochien und den Fragmenten eines arianischen Historiographen. Hrsg. von J. Bidez. Leipzig, 1913.

⁴ Подробнее об истории изданий сочинения Филосторгия см.: Церковные историки IV–V веков. М., 2007. С. 520. Самым полным и лучшим, пожалуй, на сегодняшний день критическим изданием Филосторгия является немецкий перевод под редакцией Фр. Винкельмана: *Philostorgius Kirchengeschichte mit dem Leben des Lucian von Antiochien und den Fragmenten eines arianischen Historiographen / Hrsg. von J. Bidez. Leipzig, 1913. Third Edition by F. Winkelmann. Berlin, 1981.*

⁵ Ревностная приверженность Филосторгия христианской вере сочетается у него с прекрасным классическим образованием. Первые буквы каждой книги образуют своеобразный акростих и составляют имя автора (φίλοστοργίος). Данное обстоятельство говорит о прекрасном образовании автора и несомненных литературных способностях. Фотий (*Cod. 40*) отмечает литературные достоинства его “Церковной истории”, такие как элегантность стиля, поэтическую речь, экспрессивные фигуральные выражения, которые делают сочинение приятным для чтения. Все это выдает несомненный талант и блестящую образованность автора. Кроме того, в своем труде он демонстрирует свои познания не только в сфере теологии и философии, но также и в естественных науках. Он знал астрономию, интересовался медициной и особенно географией. Его труд изобилует географическими описаниями дальних экзотических стран, варварских народов, диких зверей и причудливых растений Африки, Индии и островов Индийского океана (III, 4-11). Он рассказывает о теориях происхождения землетрясений, о затмениях солнца, кометах и прочих необычных природных явлениях, демонстрируя широкий кругозор и познания. Но с точки зрения христианина он рассматривает все эти явления как проявления всемогущества Творца, и реальная причина всего происходящего в этом мире – божий промысел.

коим образом не был связан с церковной иерархией, однако в истории он остался как яркий противник язычества и горячий поклонник Евномия, лидера неоарианства⁶.

“Церковная история” Филосторгия увидела свет в конце 20-х гг. V в. (примерно между 425 и 433 гг.⁷) в Константинополе и состояла из 12 книг. Сочинение задумывалось как продолжение “Истории” Евсевия Кесарийского и потому охватывает период с начала IV в., с правления Константия, до 425 г. Несмотря на светское образование и род деятельности автора, книга написана с проарианских позиций.

В изображении императоров Филосторгий в целом придерживается образца, выработанного Евсевием Кесарийским. Император вольно или невольно оказывается ответственным за судьбы империи, и от его мудрого или дурного правления зависит процветание и благоденствие всей христианской империи. Совершенно очевидно, что главным критерием для оценки того или иного правителя в сочинении Филосторгия, как и у других церковных историков, оказывается его религиозная политика. Однако трудно сказать, что описание императоров у Филосторгия выдержано строго в черно-белой гамме без нюансов и полутонов. В “Истории” Филосторгия нет практически ни одного однозначно хорошего или безнадежно дурного правителя. Складывается впечатление, что автор, действительно стремясь к объективности, отмечает и положительные, и отрицательные стороны каждого правления. Интересно также, что многие персонажи получают у Филосторгия иную оценку, нежели в “классических” “Церковных историях”.

Одной из ключевых и в то же время очень сложных фигур для Филосторгия является Константин Великий. Как и для всех церковных историков того времени, он является основателем Христианской империи и защитником христианской веры, что автоматически ставит его в положение “хорошего” императора, некоего идеала. С другой стороны, он же является инициатором и гарантом Никейского собора, осудившего Ария, что должно было поставить его в положение “гонителя истинной веры”. Филосторгий был одним из немногих авторов, кто рассказывает об убийстве Константином своего сына Криспа и жены Фаусты (HE, I, 3). При описании данной драмы он сравнивает своих персонажей с героями античной трагедии, Федрой и Ипполитом, а самого Константина – с Тезеем⁸. Вся ответственность в данной ситуации

⁶ Евномий – сторонник арианства, вернее его крайней партии, члены которой именовались аномины (они считали, что Отец и сын суть одно, однако Сын не подобен Отцу; сторонники этого учения отличались исключительной непримиримостью и твердо стояли на своих убеждениях, не вступая ни в какие сделки с другими течениями). Во главе этой партии стоял Азий, учитель Евномия, с которым последний был тесно связан. Даже став епископом, Евномий открыто продолжал следовать учению аноминов и перекрещивать православных и прочих верующих. Противники Евномия в Кизике подали на него жалобу в Константинополь, императору Констанцию, обвинив епископа в приверженности к учению Аэция. Констанций потребовал вызвать Евномия на суд, тот бежал, в конце концов Евномий основал свое братство. Евномий прожил до правления императора Феодосия, и известно, что он был изгнан за то, что, несмотря на указы Феодосия против ариан, продолжал пропаганду своего учения в Константинополе (См.: Церковные историки IV–V вв. ...С. 389–390. Прим. 35).

⁷ Точная дата написания “Церковной истории” Филосторгия не известна. Промежуток между 425 и 433 гг. в качестве примерного времени появления “Истории” определяется, исходя из того, что последнее событие, упоминаемое в этом сочинении – провозглашение малолетнего Валентиниана III императором Западной Римской империи – относится к 425 г., следовательно, работа была закончена автором после 425 г. С другой стороны, Филосторгий заканчивает последнюю книгу картиной бедствий, постигших империю после осуждения евномия, однако ничего не говорит о сильнейшем пожаре в Константинополе в 433 г. Очевидно, что на момент окончания работы, автор еще не знал о нем (Philostorgius Kirchengeschichte mit dem Leben des Lucian von Antiochien und den Fragmenten eines arianischen Historiographen / Hrsg. von J. Bidez. Leipzig, 1913. P. CXXXII. Удальцова З.В. Филосторгий – представитель еретической церковной историографии // Византийский Временник, 44. 1983. С. 6). Другие исследователи относят появление “Церковной истории” Филосторгия к более позднему времени, 430–440 гг., или даже к концу этой декады (Zecchini G. Filostorgio // Metodologie della ricerca sulla Tarda Antichita. Atti del Primo Convegno dell'Associazione di Studi Tardoantichi. A cura di A. Garzya. Napoli, 1989. P. 598; Marasco G. The Church Historians (II): Philostorgius and Gelasios of Cyzicus // Greek and Roman Historiography in Late Antiquity: fourth to sixth century A.D. Ed. by G. Marasco. Leiden, 2003. P. 259).

⁸ Подробнее см.: Marasco G. Costantino e le uccisioni di Crispo e Fausta (326 d.C.) // Rivista di Fioiogia e di Istruzione Classica, 121. 1993. P. 307–309.

возлагается на Фаусту – дочь язычника и гонителя христиан Максимиана, в то время как Крисп, ученик Лактанция и сторонник закона в пользу христиан, в его изображении является жертвой клеветы. Константин же изображен как человек не очень самостоятельный, подверженный влиянию своей жены и неспособный отличить правду от лжи. Эта же подверженность чужому влиянию и уступчивость, с точки зрения Филосторгия, объясняют и поведение императора на Никейском соборе.

Рассказ о смерти Константина также сильно отличается от языческой и официальной ортодоксальной христианской традиции. В его изображении, Константин был отравлен братьями в наказание за убийство Криспа⁹. Таким образом, Филосторгий отступает от принятой традиции изображать смерть благочестивого императора Константина как некий венец его безупречной жизни. Так, в изображении арианского историка перед читателем возникает несколько иной образ императора Константина Великого, отличный от хрестоматийного.

Хорошим, благочестивым, мудрым и заслуживающим всяческого уважения правителем в изображении Филосторгия оказывается Констанций II, благосклонный к арианам. Однако в описании Филосторгия Констанций II предстает как правитель, совершивший много дел во благо христианской церкви, а не только для ариан. “Констанция Филосторгий удостаивает похвалы и свидетельствует, что он возвел в Константинополе церковь, которая действительно была и называлась великой”¹⁰. Он перенес останки апостола Андрея и евангелиста Луки из Ахайи и апостола Тимофея из Эфеса Иконийского в построенный им храм Всех Апостолов, и устроил там родовую усыпальницу (HE, III, 2). Кроме того, он способствовал распространению и утверждению христианской веры в других странах, в частности отправил посольство (миссионеров) во главе с Феофилом Индийцем в Великую Аравию, к эфиопам, на остров Див и в “другие пределы Индии”¹¹ (HE, III, 4-6). Интересно, что Филосторгий здесь приводит версию об обращении аксумитов, отличную от принятой в официальной церковной исторической традиции. Сократ (I, 18, 4-14), Созомен (II, 5-11), Руфин (IX, 9) и другие христианские авторы обычно рассказывают о миссионерском посольстве во главе с Фрументием, православным, который был рукоположен в епископы Афанасием. Филосторгий же, очевидно, по идеологическим причинам, ни словом не упоминает своих противников и не говорит об их роли в распространении христианской веры, однако в качестве такого просветителя народов изображает Феофила Индийца, естественно, арианина, обладающими всеми необходимыми добродетелями и рукоположенного в свое время Евсевием Никомидийским, и подчеркивает роль и значение императорской власти в этом важном посольстве.

Именно в правление Констанция сторонники арианского учения и будущие основатели евномианства переживают период наивысшей активности (III, 14-21). И хотя император не проявляет особенного интереса к их учению, однако и не подвергает их гонениям или каким-либо притеснениям. Очевидно, в награду за такое “благоволение” к истинной, с точки зрения Филосторгия, вере, император и удостаивается всяческих побед и расположения Господа. Однако после того, как император Констанций, поверив клевете доносчиков, подверг несправедливому наказанию своего сподвижника Галла (III, 28; IV, 1), отправил в ссылку Феофила Индийца (IV, 1), низложил и обрек на страдания Аэция (IV, 12; V, 2), он потерял божие расположение и помощь. “Констанций, ранее неизменно одолевавший своих врагов, после того как

⁹ Когда Константин все осознал, он принял крещение от арианского епископа Евсевия Никомидийского, и отдал ему завещание, в котором просил первого сына наказывать остальных. Евсевий Никомидийский отдал это завещание Констанцию, который и убил виновных (HE, II, 12). 30.07.2010.

¹⁰ Имеется в виду церковь св. Софии, обычно называемая “великой”. В 404 г., во время беспорядков, вызванных низложением Иоанна Златоуста, церковь сгорела, затем отстраивалась в течение нескольких лет и была торжественно открыта 10 декабря 415 г. В 532 г. во время восстания Ника она была разрушена и восстановлена императором Юстинианом.

¹¹ Судя по географическому контексту, а также по прямому указанию в следующем параграфе (III, 6), под Индией Филосторгий в данном случае понимает Аравийский полуостров.

обагрив десницу свою кровью близких и, поверив клевете Василия, осудил Феофила, Аэция и Серру на изгнание, в предпринятой им войне с персами потерпел поражение” (V, 4). А соборы, собираемые императором для того, чтобы осудить евномиан, сопровождаются природными катаклизмами: “землетрясением, пожаром и приливом морских волн” (IV, 10-11).

Император Юлиан, унаследовавший власть после Констанция, изображен также весьма противоречиво¹². Религиозная политика Юлиана Отступника, направленная на восстановление *status quo* образца 311 г., когда церковь была только терпимой, и лишение христиан привилегий, дарованных в свое время императором Константином Великим, рассматривается им как злодейство (VII, 4). Смерть императора описана очень красочно, в духе церковной историографии. “Отступник, поверив языческим оракулам, повсеместно возвещавшим, будто бы дана ему непобедимая сила, предпринял поход против персов” (VII, 15). И далее ранение и сама смерть воспринимаются читателем как заслуженная кара за нечестивые деяния. Однако интересно, что в данном описании Филосторгий называет Юлиана несчастным и не грозит ему как нечестивца и отступника, хотя материал и ситуация давали возможность для красочных обвинений и назиданий потомкам.

В целом, характеристика императора Юлиана выглядит во многом противоречивой и в то же время довольно сдержанной. Автор не принимает обращения императора к язычеству, но в то же время одобряет действия императора, направленные против православных. В результате Филосторгий рисует его как коварного, неискреннего и злорадного правителя, относится к нему с недоверием, но и резких выпадов против императора не допускает. Более того, конкретными виновниками злодеяний, чьими руками и осуществляются казни, погромы и гонения, оказываются либо язычники (VII,1; VII,2; VII,3; VII,4), либо православные (VII,2), либо ближайшее окружение императора (VII,10), но не он сам.

Следующий за Юлианом император, Иовиан правил всего десять месяцев и не успел отметить свое правление никакими подвигами. Однако общая тональность, в которой Филосторгий описывает его правление, - вполне благоприятная. Император заслуживает похвалы, поскольку он “восстановил прежний порядок в церквях, избавив их от всех притеснений, кои терпели они при Юлиане”, а также возвратил из ссылки “всех, кого Отступник отправил в изгнание за то, что отказались отринуть благочестие...” (VIII,5). Однако главной причиной подобного расположения автора к данному императору кажется все-таки то обстоятельство, что в период его правления евномиане не терпели никакого притеснения и переживали очередной пик своей активности.

Повествование о годах, следующих за смертью императора Иовиана, становится более лаконичным, сдержанным и мозаичным. Автор не столько рассказывает о политических перипетиях правления Валента и Валентиниана¹³, сколько дает некие зарисовки из жизни замечательных людей того времени. В частности он называет некоего Филосторгия, “искуснейшего из всех врачей” (VIII, 10), восхищается мудростью Василия Великого и Григория Богослова (VIII, 11-13), а также называет имена епископов, “самых прославленных из исповедников единосутия” (VIII, 17). Примечательно, что, описывая двенадцатилетнее правление Валента и рассказывая о различных событиях того времени, Филосторгий как будто старательно обходит фигуру самого императора. Он не говорит ни слова ни о характере императора, его доб-

¹² Подробнее см.: Penella R.J. Julian the Persecutor in Fifth Century Church Historians // *The Ancient World*. 1993. Vol. 24. P. 33 ff.

¹³ Валентиниан I правил Западом в 364–375 гг., а Валент II – Востоком империи в 364–378 гг. Примечательно, что Филосторгий одинаково говорит об обоих императорах, не выделяя ни западного правителя, ни восточного.

родетелях или пороках, ни о его религиозной политике, ни о военных предприятиях. Например, в IX книге Филосторгий оговаривается: “На третьем году своего правления Валент предпринял поход против персов, а тем временем Прокопий замыслил узурпировать власть в Константинополе” (IX, 5). И далее, ни слова ни говоря ни о самом походе, ни о сражениях, ни о результатах военной кампании, довольно подробно на нескольких страницах рассказывает об узурпаторе Прокопии и судьбах этого мятежа. Более того, рассказывая о битве при Адрианополе, ключевом событии в истории империи, имевшем столь значительные последствия, Филосторгий в нескольких строках упоминает о нем, как о рядовой стычке, отличающейся от других лишь тем, что в ней погиб император. Автор не дает никаких подробностей происшедшего, никаких красочных описаний, никаких комментариев или объяснений. Филосторгий защищает императора Валента, оправдывая его отступление с поля боя тем, что он вынужден был отступить, потеряв огромное количество воинов. Всю ответственность за эту войну Филосторгий возлагает на готов, вторгшихся на территорию Римской империи и начавших необъявленную войну против римлян (IX, 17)). Такая позиция автора, очевидно, связана с религиозной политикой императора. Валент был, пожалуй, последним императором, благосклонным к арианам. Поэтому Филосторгий находился в очень сложной ситуации: ему предстояло объяснить, как император, помогающий истинной церкви, так бесславно погиб и за что была наказана вся империя. Сам исторический материал не давал возможности Филосторгию показать божественное покровительство и процветание империи в царствование благочестивого императора Валента, последнего приверженца истинной церкви на троне. Очевидно, поэтому автор обходит молчанием эти сложные для объяснения события, не давая никаких объяснений или ответов ни сторонникам официальной церкви, ни язычникам.

Судя по рассказу Филосторгия, правление Валента является последним позитивным периодом в истории церкви и империи. Со смертью данного императора начинается новая полоса, окрашенная преимущественно в темные тона. Такой поворот, с точки зрения арианского историка, был связан с религиозной политикой последующих императоров – Грациана и особенно Феодосия. В описании этого периода позиция Филосторгия сильно отличается от трактовок, предложенных и ортодоксальной, и языческой традицией.

Правление Грациана историк удостоивает лишь беглым вниманием, упоминая его имя всего три раза, главным образом, формально упоминая, что он унаследовал власть после смерти Валентиниана (IX, 16), “оплакивал дядю и скорбел о несчастье римлян” после битвы при Адрианополе (IX, 17) и что “немного времени спустя император Грациан в Верхней Галатии пал жертвой коварства тирана Максима” (X, 5). Далее, как передает папский историк Фотий, “на Грациана историк возводит много клевет, так что даже уподобляет его Нерону” и вполне справедливо объясняет такое отношение тем, что “по-видимому, Филосторгию была не по нраву его приверженность к православию” (X, 5)¹⁴.

¹⁴ Грациан был действительно четким последователем христианства. С самых ранних лет Грациан был очень набожным христианином и живо интересовался богословскими проблемами. В 379 г. он не только объявил вне закона все ереси, но и изъял из своего титула звание *pontifex maximus*. Он был первым императором, предпринявшим этот шаг. Более того, он изъял общественные фонды, которые до того предназначались для языческих богослужений. Другим глубоко символическим поступком было его распоряжение о том, чтобы языческий алтарь Победы был убран из здания сената в Риме, куда его в свое время вновь поместил Юлиан Отступник. Этот приказ, расцененный многочисленными сенаторами-язычниками как решительная угроза их традиционной вере, заставил их направить к императору делегацию под предводительством Квинта Аврелия Симмаха, но Грациан не пожелал даже встретиться с ней. Подробнее см.: Церковные историки IV–V вв... С. 574. Прим. 4. Уколова В.И. Античное наследие и культура раннего средневековья (конец V – середина VII века). М., 1989.

С приходом к власти Феодосия историческое повествование Филосторгия становится все более мрачным. Первое, о чем сообщает, историк, это гонения на евномиан, т.е. на истинную церковь, с его точки зрения. Он сообщает, что «император Феодосий, узнав, что некоторые из его постельничих придерживаются учения Евномия, изгнал их из дворца, а Евномия приказал схватить и выслать из Халкидона в Алмириду» (X, 6).

Но в XI книге своей «Истории» Филосторгий характеризует его как мудрого и справедливого правителя, защитника и установителя законной власти, выступившего против узурпатора Арбогаста. Такое восхваление императора и его религиозной политики со стороны арианского историка вызывает некоторое недоумение, поскольку Феодосий отказался от арианства в пользу ортодоксального вероучения Афанасия, провозглашенного единой государственной религией на созванном им в 381 г. в Константинополе Втором Вселенском соборе. Подобная положительная оценка Филосторгием деятельности Феодосия может объясняться, по всей вероятности, общностью их интересов в борьбе с язычеством. Правление Феодосия в этом отношении, действительно, было важной эпохой, радикально изменившей лицо всей Империи. В целом, Феодосий положил конец язычеству в империи и за это он заслуживает похвалы историка. В то же время Филосторгий не может удержаться и от неких выпадов и уколов в адрес императора, поскольку тот поддержал не истинную, с его точки зрения, церковь, а ту, которую Филосторгий считал еретической.

Начиная с этого времени, когда была потеряна надежда на торжество истинной (евномианской) веры, история Империи начинает стремительно клониться к своему упадку. Все последующее описание правления императора Аркадия представляет собой перечень бедствий, катастроф и дурных предзнаменований (XI, 7). К этим природным катаклизмам добавились и нашествия варваров, производивших «неслыханные человекоубийства» и опустошения (XI, 8). Таким образом, в изображении арианского историка после того, как римские императоры отвернулись от истинной (арианской, и даже евномианской) веры и приняли сторону «православных», гнев Божий в виде различных бедствий, стихий и нашествий обрушился повсеместно на империю. Видимо, поэтому Филосторгий рассказывает не только о событиях в Константинополе и его округе, но доносит сообщения о событиях в весьма отдаленных областях.

Одним из знаков такого божественного гнева, очевидно, выступает и взятие Рима вестготами в 410 г. Начиная XII книгу, он довольно подробно рассказывает о событиях в Равенне и Риме в самом начале V в., связанных со Стилихоном. Причем, автор не просто отмечает факт убийства Стилихона, но дает ему личную оценку, как и самому правлению. «Как говорит Филосторгий, Стилихон настолько явно и дерзко обнаруживал свою тиранию, что даже отчеканил монету, на которой недоставало только его изображения» (XII, 2). Впрочем, и убийца Стилихона не получает одобрения автора. Он пишет, что «и он вскоре лишился жизни под палочными ударами, понеся заслуженную кару за бесчестное умерщвление Стилихона» (XII, 1). Таким образом, стремление к тирании и незаконное стремление к императорской власти осуждается Филосторгием практически во всех случаях, не зависимо от персоналий. «Божественный промысел ясно показывал, что он не допускает беспорядка и не любит тиранов. А кто защищает законного государя, тому и он помогает» (XII, 6).

Но сюжет, связанный с нашествием варваров в 408–410 гг. на Рим интересен еще и в другом отношении. Позиция Филосторгия при описании этого события выглядит несколько отстраненной. Кажется, что он не воспринимает Алариха ни как врага, ни как союзника. Взятие Рима выглядит в его устах как рядовая военная операция. В описании Филосторгия не читается ни сочувствия, ни ужаса перед захватчиками, никаких иных эмоций или переживаний. «И с этого времени это величие славы, это громкое могущество раздробилось между чужеземным огнем, вражеским мечом и варварским пленом» (XII, 3). Данное описание воспринимается как констатация того, что должно было свершиться и, наконец, свершилось.

С приходом к власти Феодосия II неблагоприятные знамения обнаруживаются вновь. Филосторгий подробно рассказывает о солнечном затмении, сопровождавшемся неким сиянием в виде конуса и длившееся более четырех месяцев (XII, 8). Данное природное явление, как и стоило ожидать, совпало со всевозможными бедствиями для населения империи (XII, 8-9). Дальнейшие рассуждения Филосторгия сводятся к доказательству того, что все эти землетрясения произошли не из-за каких-либо естественных причин, «но лишь божественным промыслом, для исправления и обращения грешников» (XII, 10).

После этого, кажется, безо всякого интереса и без каких-либо комментариев Филосторгий рассказывает о различных пертурбациях, связанных с установлением власти различных императоров, и, наконец, завершает свое повествование установлением власти Валентиниана III в 425 г.¹⁵ Очевидно, что и в этом случае Филосторгий представляет собственное видение событий. И хотя на последних страницах своей «Истории» он без особого интереса, очень кратко и сухо рассказывает о событиях начала V в., складывается впечатление, что ему необходимо было рассказать о падении Вечного города и о смещении римлян и варваров для полноты картины упадка и деградации империи и для подтверждения истинности древних пророчеств. Последние книги Филосторгия окрашены в эсхатологические тона. Исследователи называют их «сплошным каталогом всевозможных бед и несчастий»¹⁶.

В целом, описание правлений различных императоров у Филосторгия выдержано в том же ключе, что и у остальных церковных историков. В роли главных героев его «Истории» выступают именно императоры. Строгая хронологическая последовательность правления императоров формирует структуру работы. Именно от императоров в значительной степени зависит судьба империи и всего христианского мира. От их личного благочестия и религиозных взглядов, от их религиозной политики зависят мир, благополучие и процветание всей страны.

Таким образом, общий взгляд на роль императоров в судьбах империи и всего христианского мира позволяет рассматривать «Церковную историю» Филосторгия как часть единого феномена. В то же время, в характеристике Филосторгием императоров заметна определенная противоречивость и двойственность, которая может объясняться сложным положением самого автора между язычеством и ортодоксальной церковью, претендующей на идеологическое господство. Главными критериями оценки того или иного лица для Филосторгия, как и для остальных церковных историков раннего средневековья, являются праведная жизнь и «правовереие», с тем лишь отличием, что с точки зрения Филосторгия «правой верой» является арианство, или точнее, учение Евномия. Именно с этих позиций, то есть по степени расположенности того или иного персонажа к евномианам, Филосторгий и оценивает героев своей «Истории».

¹⁵ Автор не объясняет, почему в качестве завершающего момента своей «Истории» он выбрал именно 425 год. Исследователи склонны объяснять данное обстоятельство тем, что именно этим годом заканчивается «История» Олимпиодора, основной источник информации Филосторгия по данному периоду (Philostorgius Kirchengeschichte mit dem Leben des Lucian von Antiochien und den Fragmenten eines arianischen Historiographen. Hrsg. von J. Bidez. Leipzig, 1913. Third Edition by F. Winkelmann. Berlin, 1981 (Second – Berlin, 1972). S. XV, CXXXIX, 140; Matthews J.F. Olympiodoros of Thebes and the History of the West (A.D. 407-425) // Journal of Religious Studies, 55, 1970. P. 81; Baldwin B. Olympiodorus of Thebes // L'Antiquite Classique. Vol. 49. 1989. P. 229-230; Zecchini G. Filostorgio // Metodologie della ricerca sulla Tarda Antichita. Atti del Primo Convegno dell'Associazione di Studi Tardoantichi. A cura di A. Garzya. Napoli, 1989. P. 591, 596-598). Однако Филосторгий не похож на простого компилятора, слепо повторяющего сообщения своего источника. Он самостоятельно организует материал, почерпнутый из разнообразных источников; сам выбор материала, по мнению автора, заслуживающего внимания, вполне логичен и подчинен определенным критериям; Филосторгий дает очень яркие и самостоятельные оценки своим персонажам и событиям, о которых идет речь. Поэтому трудно предположить столь глубокую зависимость автора от Олимпиодора в последних книгах его «Истории», тем более что во многих случаях оценки и мнение Филосторгия кардинальным образом расходятся с описанием Олимпиодора (Подробнее см.: Marasco G. The Church Historians (II): Philostorgius and Gelasios of Cyzicus... P. 279-281).

¹⁶ Argov E.J. Op. cit. P. 510.

EARLY BYZANTINE EMPERORS IN HISTORY BY PHILOSTORGIUS

I.Yu. VASHEVA

*Nizny Novgorod State
University
n.a. N.I. Lobachevsky*

e-mail: vasheva@mail.ru

This article is devoted to the analysis of the specific features of Philostorgius' historical concept. His proclivity to the arianism and belonging to the heretics usually make scholars to examine his work out of the frame of Byzantine historical church tradition. Nevertheless the analysis of this work demonstrates its' conceptual proximity with the 'classical' Church histories. One of the most important facets of the author's historical perception indicating his originality is the way of portrayal of Roman emperors, their religious and political activity. Although some persons get another representation, very different from usual for orthodox tradition, at the same time the general view of emperor's role in the destiny of the Empire and the whole Christian oikumene gives an opportunity to examine Philostorgius' Church History as a part of the same phenomenon.

Key words: Church history, early Byzantine tradition, Byzantine church historiography.